

М. В. Новиков

Пограничность научного и религиозного (со)знания: опыт Н. И. Пирогова

Работа выполнена по гранту РГНФ 15–03–00655

В статье рассматривается проблема пограничности научного и религиозного (со)знания на примере выдающегося русского ученого, хирурга, известного общественного деятеля Николая Ивановича Пирогова. В качестве основного источника используется уникальный документ эпохи – исповедь Пирогова о трудном пути к Богу, известная как «Дневник старого врача». Рассматриваются рефлексии Пирогова, связанные с «двойной бухгалтерией души», с процессом примирения в границах одной личности научного и религиозного (со)знания.

Ключевые слова: научное (со)знание, религиозное (со)знание, ученый, «двойная бухгалтерия души», православная вера.

M. V. Novikov

Frontier of Scientific and Religious Knowledge (Mind): N. I. Pirogov's Experience

In the article the problem of frontier of scientific and religious knowledge is considered on the example of outstanding Russian scientist, surgeon, famous public figure Nikolay Ivanovich Pirogov. The main source is the unique document of the era – Pirogov's confession about a difficult way to the God, known as «The Diary of the Old Doctor». Here are regarded Pirogov's reflections concerning «creative accountancy of the soul», the process of reconciliation in borders of one person of scientific and religious knowledge (mind).

Keywords: scientific knowledge (mind), religious knowledge (mind), scientist, «creative accountancy of the soul», the Orthodoxy.

Пограничность, как новая область междисциплинарных исследований, сформировавшаяся в последние десятилетия, по мнению Т. И. Ерохиной, приобретает все более универсальный характер, включает не только и не столько рубежность, двойственность, переходность событий и явлений, но и обязательность, уникальность, парадоксальность бытия личности, в том числе «пограничное сознание» человека [2, с. 208]. «Пограничье, – утверждает М. В. Глостанова, – это особая субъектность и самоощущение того, кто не пересекает или не преодолевает границы, не рассуждает о них с некой отстраненной псевдообъективной позиции наблюдателя, вынужденного из мира, но и сам есть граница, потому что живет внутри разлома пограничья» [9, с. 204]. В исследовании Глостановой под пограничным мышлением и сознанием понимается прежде всего саморефлексивный отказ «от монополического субъектно-объектного типа (со)знания, господствовавшего на протяжении последних столетий и легитимизированного как подлинно и единственно научный», построенного на идее прогресса и «развития любой ценой». Отказ от многовековой традиции, по мнению автора, лежит «в основе критического пограничного сознания, знания, мышления, творчества и теоретизирования в самых разных проявлениях» [9, с. 68].

Пограничное (со)знание, как нам представляется, может быть также осмыслено через соотношение в границах одной личности научного и религиозного мировоззрения.

Известный русский философ и религиозный мыслитель С. Л. Франк, покинувший Советскую Россию в 1922 г., задал в свое время sacramентальные вопросы: «Каково отношение между религией и наукой? Согласны ли они между собой? Может ли научно образованный и мыслящий человек иметь религиозную веру?» [11, с. 1]. Предполагаемые ответы на эти вопросы советского образованного человека середины XX в., по мысли Франка, были бы, скорее всего, быстрыми, решительными и отрицательными, так как советский ученый верил официальной коммунистической идеологии, согласно которой религия рассматривалась как «опиум для народа», как «выдумка попов», чтобы «одурачивать народные массы, держать их в повиновении и извлекать из этого личные выгоды для касты священников или вообще для господствующих классов» [11, с. 1].

По мнению советского ученого, отмечает Франк, наука опирается на точные доказательства, а религия требует слепой веры, «религия не совместима с наукой, и чем более человек научно образован, тем более он имеет оснований отвергать как устарелое и опровергнутое заблуждение рели-

гиозную веру» [11, с. 2]. Полемизируя с этой широко распространенной в СССР точкой зрения, Франк подчеркивает ее неприемлемость для «подлинного научного знания о сущности как религии, так и науки». В подтверждение своей мысли он приводит примеры из истории науки. Как можно объяснить, пишет он, что «очень многие величайшие ученые, истинные творцы в области научного знания – и, пожалуй, даже большинство из них – до конца жизни оставались глубоко и искренне верующими людьми... Ньютон, открывший закон движения небесных тел, как бы разоблачивший величайшую тайну мироздания, был верующим человеком и занимался богословием... великий Паскаль, гений математики, один из творцов новой физики, был не просто верующим, но и христианским святым (хотя и не канонизированным) и одним из величайших религиозных мыслителей Европы... Пастер, творец всей современной бактериологии, мыслитель, глубже других проникший в тайну органической жизни, был глубоко религиозной натурой... даже Дарвин, учение которого было потом использовано полуучеными для опровержения религии, не только никогда не думал сам, что его учение происхождения животных видов и человека противоречит религии, но, напротив, всю жизнь оставался искренне верующим человеком» [11, с. 2].

Перечень имен, приведенный Франком, может быть существенно расширен. Так самый великий физик XX в. А. Эйнштейн, человек со сложной и неоднозначной пограничностью научного и религиозного (со)знания, не раз подчеркивал, что в исканиях истины им руководило особое религиозное чувство [14, с. 5], что «наука без религии является хромой, религия без науки – слепой» [4, с. 2]. Нельзя не согласиться с выводом Франка, «что если такие люди совмещали научность с религиозностью, то они имели для этого какие-то глубоко продуманные ими основания» [11, с. 3]. И наука, и религия, по мнению Франка, сходятся в том, что признают «глубинность, таинственность, непостижимую до конца таинственность бытия», он не считает истинным учением человека, полагающего, что «очень легко и просто все узнать», напротив, позиция настоящего ученого выражена в знаменитой формуле Сократа: «Я знаю только то, что я ничего не знаю». Франк приводит в подтверждение известное изречение Ньютона: «Не знаю, чем меня признают потомки, но себе самому я представляюсь маленьким мальчиком, который на берегу безграничного океана собирает отдельные ракушки, выброшенные волнами на берег, в то время как сам океан и его глубины остаются по-прежнему для меня непостижимыми» [11, с. 4].

Перечитывая в парижской эмиграции труды знаменитого русского хирурга, ученого и общественного деятеля Николая Ивановича Пирогова (1810–1881), Франк признал, что Пирогов – «редкий, едва ли не единственный в России тип мыслителя, который в одинаковой мере одушевлен и пафосом научного познания, и пафосом религиозной мысли». Говоря о «Дневнике старого врача», в котором Пирогов, один из немногих представителей науки, представил свой трудный путь к искренней вере в Бога, Франк справедливо отметил, что «можно только пожалеть, как мало русское общество и прежде, и в особенности теперь обращало внимание на эту замечательную философскую и религиозную исповедь одного из самых крупных и выдающихся русских умов второй половины XIX в.» [12, с. 1, 2].

Исповедь Пирогова не является дневником в строгом смысле этого слова, так как она была создана в последние годы его жизни и скорее относится к жанру воспоминаний, мемуаров. Полное название работы, написанное рукой Пирогова: «Вопросы жизни. Дневник старого врача, писанный исключительно для самого себя, но не без задней мысли, что, может быть, когда-нибудь прочтет и кто другой» (далее – «Дневник»). Воспоминания Пирогова были впервые опубликованы, правда, с цензурными купюрами, в журнале «Русская старина» уже после кончины автора, трижды переиздавались в виде отдельной книги, и лишь в 1910 г. была издана их полная, выверенная версия [6]. «Дневник» Пирогова, по мнению современника, отличается «правдивостью, простотою и глубиной мыслей, неподражаемою ясностью и образностью изложения» [1, с. 248].

Воспоминания Пирогова, представленные в его «Дневнике», стали предметом анализа в статье последовательного материалиста и атеиста Л. Д. Троцкого, опубликованной в двух номерах газеты «Киевская мысль» в 1913 г. Автор дает высокую оценку Пирогову-ученому, называя его «крепко» умным русским человеком, «с ярким чувством действительности и постоянным устремлением в сторону европейского научного и технического прогресса... сам войдя скромной, но неподдельной величиной в европейскую науку, Пирогов никогда не собирался закидывать Европу шапками... прежде всего и паче всего предлагал он учиться у Европы, которая старше, богаче и умнее нас» [10, с. 1].

Переходя к проблеме соотношения научного и религиозного (со)знания Пирогова, Троцкий меняет тональность своего повествования, занимая жесткую критическую позицию. В снисходительном тоне Троцкий отмечает, что Пирогов занялся

урегулированием своих отношений к делам веры, будучи отстраненным от активной общественной деятельности, «сидя у себя в имении», «на стариковском досуге», и что «он сумел ввести свою мысль в старую мистическую колею» [10, с. 8]. В действительности же Пирогов пришел к Богу в расцвете сил, он так пишет об этом в своем «Дневнике»: «Мне было уже 38 лет от роду, – я нашел для себя этот идеал» [6, с. 194].

Принятие Пироговым православия Троицкий объясняет особенностями его научного (со)знания, безапелляционно утверждая, что по складу ума Пирогов был чистым эмпириком, что он признавал право только за непосредственными, прямыми и ближайшими выводами из фактов. Развивая свою мысль, Троицкий несправедливо классифицирует Пирогова как «вульгарного эмпирика», который «не переносит реалистических методов мышления в более отдаленные от материи регионы сознания, он легко мог, при столкновении с этими регионами, перескочить в область мистики... умы, лишённые синтетического размаха, легко капитулируют перед сверхчувственными учениями, как только отходят от фактов на расстояние, необходимое для получения общей картины» [10, с. 9]. С Троицким полемирует автор статьи о Пирогове, который утверждает, что Пирогов не был узким специалистом, что это был «практический врач, ученый, философ, педагог, государственный деятель, помещик, общественный деятель» [13, с. 720].

По мнению Троицкого, ученые, подобные Пирогову, будучи выбитыми из чисто эмпирической колеи и вынужденные давать себе ответы на основные «вопросы жизни», сплошь да рядом говорят себе: «Широкие научно-философские обобщения в сущности так же недостоверны, как и мистические, поэтому, если уж выбирать, то лучше те, за которыми гарантии давности и заманчивые возможности в перспективе». Прослужив 50 лет эмпирической науке, подчеркивает Троицкий, Пирогов пожелал заглянуть за кулисы эмпирической сцены и тут же принял то, что ему было предложено – религию [10, с. 9]. Троицкий верно подмечает неудовлетворенность Пирогова деизмом – верой в существование верховного разума, что Пирогову был необходим идеал более близкий, более человеческий и что он не случайно принимал идеал богочеловека – Иисуса Христа.

Самопозиционирование Пирогова с официальной православной церковью представляется Троицкому большой натяжкой, он пишет, что «его суховатая, рационализмом подбитая, бедная фантазией и красками мистика, скорее, уже может быть подведена под протестантство, но, во всяком случае,

одинаково далека и от ученого синодского православия, и от православия народного» [10, с. 9]. Данный тезис Троицкого не выдерживает критики. Двадцатью годами ранее доктор медицины Н. Я. Пясковский верно подчеркивал, что Пирогов являлся «не только верующим христианином, но и православным, признающим необходимым иерархический, обрядовый и вообще церковный строй своей веры», приводя в качестве подтверждения слова Пирогова: «Как бы догматизм и обязательность государственной церкви, иерархизм, обрядность мне лично ни показались противными духу учения Христа, я не должен увлекаться моими личными склонностями и не вправе не признать все эти явления на почве христианства необходимыми» [8, с. 18].

В заключение Троицкий, отражая характерную для последователей материализма той эпохи воинствующую позицию, берется утверждать, что «материальная и духовная скудость русской культуры... сыграла с гуманистом Пироговым жестокую шутку. История поставила перед ним резкую дилемму: либо признай “ярко-красные бредни” с их непримиримым отрицанием суеверий и всего на суеверии основанного, либо же, наряду с биологией, антропологией, анатомией, потрудись очистить местечко для официальной демонологии, среднего нет, ибо и в философской области у нас посредине – “трень-брень” и ничего больше» [10, с. 9].

Рефлексируя в своем знаменитом «Дневнике» по вопросу пограничности научного и религиозного мировоззрения среди представителей «ученого сословия», Пирогов утверждал, что, «в отношении религиозных убеждений можно разделить всех людей науки на три категории: к одной принадлежат люди... в науке скептике, в деле веры искренно верующие прихожане приходских церквей; такие встречаются и между католиками, и между протестантами, и православными... К другой категории принадлежат ученые, старающиеся примирить свои научные убеждения с религиозными; когда же они не достигают такого примирения, то переходят в третий лагерь – ни во что не верующих» [6, с. 164]. Исходя из классификации, предложенной Н. И. Пироговым, проблема пограничности научного и религиозного (со)знания вряд ли имеет отношение к искренне и глубоко верующим, а также к ни во что не верующим ученым, скорее она свойственна тем представителям «ученого сословия», которые пытаются примирить свои научные убеждения с верой в Бога, именно к этой категории ученых относился и сам Пирогов.

Принципиально важным (даже обязательным) для ученого Пирогов считал чистосердечное решение главного вопроса жизни – «к которой из трех категорий он причисляет себя, во что он верует и что признает». Причем, делать это необходимо с максимальной честностью прежде всего перед собой: «Не надо робеть перед собою, влиять хвостом и пятиться назад, и отвечать самому себе двусмысленно» [6, с. 164]. И главное здесь – откровенно ответить на вопрос о том, признает ли он существование Бога и верует ли он в Бога: «Влияние, нерешительность и неоткровенность непременно приведут к пагубному разладу с самим собою, к несогласию действий с убеждениями, упрекам совести и самоубийству, нравственному и физическому» [6, с. 164].

Вообще, Пирогов считал, что о Боге не следует говорить всуе, даже с близкими людьми на эти темы лучше не распространяться: «святое – святым». Но с самим собою нельзя лукавить: «Существование верховного разума, а следовательно и верховной творческой воли, я считаю необходимым и неминуемым (роковым)... требованием (постулатом) моего собственного разума, так что если бы я и хотел теперь не признавать существование Бога, то не мог бы этого сделать, не сойдя с ума» [6, с. 166].

Это вывод семидесятилетнего человека, путь которого к Богу был полон сомнений, колебаний, блужданий: «К чести моего ума, я должен упомянуть, однако же, что он, и блуждая, никогда не грязнул в полнейшем отрицании недоступного для него и святого» [6, с. 169].

В «Дневнике» Пирогова отражен сложный и противоречивый процесс формирования религиозных убеждений автора, исключительную роль в этом сыграла его религиозная московская семья. Пирогов вспоминал, что «отец и мать проводили целые часы за молитвою, читая по требнику, псалтирю, часовнику и т. п. положенные молитвы, псалмы, акафисты и каноны; не пропускалась ни одна заутреня, всенощная и обедня в праздничные дни. Я должен был строго исполнять то же». Должен – это впечатление самого младшего в семье, тринадцатого ребенка, о том, что он не вполне понимал, но должен был тянуться за старшими: «Помню, как меня, полусонного, заспанного, одевали и водили к заутреням; не раз, от усталости и ладанного чада в церкви у меня кружилась голова, и меня выводили на свежий воздух... Упражняюсь ежедневно в чтении часовника за молитвою, я знал наизусть много молитв и псалмов, нисколько не заботясь о содержании заученного. Значение славянских слов мне иногда объяснялось; но и в школе от самого законоучителя я не узнал настолько,

чтобы понять вполне смысл литургии, молитв и т. п. Заповеди, символ веры, “Отче наш”, катехизис, – все это заучивалось, а комментарии законоучителя хотя и выслушивались, но считались чем-то не идущим прямо к делу и несущественным. С раннего детства внушено было убеждение другого рода. Слова молитв, как и слова Евангелия, слышавшиеся в церкви, считались сами по себе, как слова, святыми и исполненными благодати Святого Духа; большим грехом считалось переложить их и заменить другими» [6, с. 158–159].

Студенческие годы Пирогова протекали в Московском университете, куда он был зачислен в юном возрасте, успешно сдав вступительные экзамены на медицинский факультет. Разорившейся отец даже не мечтал об этом, он считал это знаком свыше, позднее Пирогов вспоминал: «Отец повез меня из университета прямо к Иверской и отслужил молебен с коленапреклонением. Помню отчетливо слова его, когда мы выходили из часовни». «Не видимое ли это Божье благословение, Николай, что ты уже вступаешь в университет?» [12, с. 1]. Юный Пирогов оказался среди студентов-нигилистов, отрицавших, согласно европейской моде того периода, мораль, нравственность и Бога. Будучи стеснительным, он практически не участвовал в горячих диспутах студентов-старшекурсников, на которых обсуждались, среди прочих, и вопросы соотношения науки и религии. Пирогов перенял материалистические взгляды своих старших товарищей, однако не опустился до отрицания Бога и тем более до богохульства, пугая тем не менее своими вольными высказываниями богобоязненную мать. По окончании Московского университета Пирогов был направлен в Дерптский (Гартуский) университет для подготовки докторской диссертации по хирургии, по специальности, которая когда-то казалась ему грязной и непонятной, и в этом он увидел знак свыше: «Сдается, что где-то издали какой-то внутренний голос подсказал хирургию» [12, с. 1].

В Дерптском университете завершился процесс становления Пирогова как практикующего хирурга и как ученого в этой области знания. В биографическом очерке, вышедшем в 1893 г. в серии «Жизнь замечательных людей», отмечается, что в 1831 г. Пирогов приступил к сдаче докторского экзамена. 30 ноября 1832 г. после защиты диссертации он был удостоен ученой степени доктора медицины и вскоре командирован в Берлин для стажировки в лучших германских клиниках. Пятилетнее пребывание в Дерпте и двухлетняя стажировка в Берлине, пишет автор биографического очерка, «сделали из Пирогова основа-

тельно знающего свой предмет специалиста» [3, с. 123].

Окончательно сформировавшись как специалист, Пирогов считал специализм главной целью жизни, подписав под собственным портретом, что быть последовательным для него – главное, и он действительно был тогда «последовательным до чертиков... пока не познакомился с собою хорошо... по мере того, как я знакомился с жизнью и наукой... мировоззрение мое делалось менее ограниченным». «Знакомство с собою» состояло в том, что Пирогов понял ошибочность позиционирования себя как последовательного специалиста, отрицающего веру в Бога. Он так написал об этом в своем «Дневнике»: «Теперь, когда я убедился, что люди моего склада ума не могут и не должны стремиться к достижению крайних пределов последовательности, я сделался искренне верующим, не утратив несколько моих научных, мыслей и опытом приобретенных убеждений» [6, с. 184].

Немецкий философ и естествоиспытатель К. Фохт (1817–1895), который считал невозможным соединением в рамках одной личности научного и религиозного (со)знания, называл состояние, в котором оказался Пирогов, «двойной бухгалтерией души» [6, с. 171]. Франк крайне негативно отзывался об ученых с «двойной бухгалтерией души», относя к ней тех, кто в лаборатории не думает о религии, а «по воскресеньям и праздникам, идя по привычке в церковь, забывает о своей науке и в течение своей жизни не удосуживается и не испытывает потребности привести в порядок свое мировоззрение». Франк убежден, что «это часто случается с ординарными, средними учеными, которые в своей жизни суть простые и подчас даже глуповатые обыватели», и что это «совершенно не подходит к великим, истинно гениальным творцам науки, к людям, для которых научный интерес есть величайшая страсть и центральное существо их личности, о котором они ни на мгновение не могут забыть» [11, с. 2].

Хорошо понимая подобный негативный смысл понятия «двойная бухгалтерия души», Пирогов, хотя и не отказывался от него применительно к себе, тем не менее призывал к тщательности и аккуратности его использования. «Личность, – писал Пирогов в «Дневнике», – принадлежащая к этой категории, может быть в одно и то же время и человеком науки, и человеком веры, – и в вере, и в науке вполне искренним; идеал веры, – собственный или сообщенный, – мирится в такой личности с результатами, полученными путем науки; спокойствие, поселяемое в душе верою в идеал, хотя бы абсурдный, с научной точки зрения

не нарушается несовпадением итогов двойной бухгалтерии. Как не благодарить Бога тому, кто своевременно разуждает в себе эту чудную, примирную способность души» [6, с. 184].

Пирогов подчеркивает свою полную приверженность именно христианской православной религии, поскольку вера просто в Бога не значила бы для него быть верующим – «это значило бы быть деистом; а деизм, по-моему, еще не вера, а доктрина». Пирогов утверждал: «Необходим был идеал более человеческий, более близкий ко мне. Входя все ближе и ближе в себя во время разных испытаний жизни, я понял, наконец, почему культурные племена, дошед до известной степени человечности, так нуждаются в идеале Богочеловека» [6, с. 185].

Пирогов пишет, что он стал истинно верующим человеком только тогда, когда начал «веровать, что среди нас жил человеческою же жизнью наш Спаситель, испытав на себе муки и радости этой жизни», и это стало для него «еще никогда не испытанным счастьем» [6, с. 174].

Отдавая в конце жизни предпочтение вере, он спрашивает: «Что ум с его разьедающим анализом и сомнением? Разве он успокаивал, подавал надежду, утешал и водворял мир и упование в душе? А вот осуществленный идеал веры – он проник всю душу, не оставив в ней места для сомнений, анализов и, разом овладев ею, вселяет блаженство и восторг» [6, с. 187]. Если предыдущие строки можно было отнести ко многим людям, то следующие автор обращал непосредственно к себе: «Жизнь-матушка привела, наконец, к тихому пристанищу. Я сделался, но не вдруг, как многие неофиты, и не без борьбы, верующим. К сожалению, однако же, еще и до сих пор, на старости, ум разьедает по временам оплоты веры. Но я благодарю Бога за то, что по крайней мере успел понять себя и увидал, что мой ум может ужиться с искреннею верою. И я, исповедуя себя весьма часто, не могу не верить себе, что искренно верую в учение Христа Спасителя» [6, с. 187].

Будучи древнее по происхождению, религиозное (со)знание с развитием человеческой цивилизации неизбежно вступает в сложные взаимоотношения с научным (со)знанием, в том числе в границах одной личности – личности ученого. Исследование данного вопроса затрудняется ввиду незначительного количества рефлексивных источников, оставленных учеными, пытавшимися примирить научное и религиозное (со)знание, в их числе уникальный документ – «Дневник» Н. И. Пирогова. Исповедь русского ученого привлекала и продолжает привлекать внимание исследователей, подвергаясь анализу как с религи-

озных, так и с материалистических позиций. «Дневник» свидетельствует, что научное (со)знание и религиозное (со)знание в границах личности ученого Н. И. Пирогова достигли определенного уровня гармонии.

Библиографический список

1. Бертенсон, И. В. О нравственном мировоззрении Н. И. Пирогова [Текст] / И. В. Бертенсон // Русская старина. – 1885. – № 1. – С. 247–258.
2. Ерохина, Т. И. Пограничность бытия личности русского символиста [Текст] / Т. И. Ерохина // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 5. – С. 208–213.
3. Малис, Ю. Г. Н. И. Пирогов. Его жизнь и научно-общественная деятельность [Текст] / Ю. Г. Малис. – СПб. : Типография и хромолитография П. П. Сойкина, 1893. – 96 с.
4. Неизвестное письмо Эйнштейна уточняет его взгляды на религию: Наука и техника: Lenta.ru [Электронный ресурс]. – <https://lenta.ru/news/2008/05/13/belief/>
5. Новиков, М. В., Швецов, В. В. Н. И. Пирогов: вера и знание [Текст] / М. В. Новиков, В. В. Швецов // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 4. – Т. I. (Гуманитарные науки). – С. 322–326.
6. Пирогов, Н. И. Вопросы жизни. Дневник старого врача. Сочинение Н. И. Пирогова. Том второй [Текст] / Н. И. Пирогов. – Киев : Издание Пироговского тов-ва, 1910. – 681 с.
7. Плютто, П. А. О двух модусах сознания [Текст] / П. А. Плютто // Эпистимология & философия науки. – Т. XXI. – № 3. – С. 211–217.
8. Пясковский, Н. Я. Пирогов как психолог, философ и богослов [Текст] / Н. Я. Пясковский // Вопросы философии и психологии. – 1893. – Январь. – Книга 1 (160). – С. 1–21.
9. Тлостанова, М. В. Исследования пограничия / vs пограничное (со)знание, мышление, творчество [Текст] / М. В. Тлостанова // Вопросы социальной теории. – 2012. – Т. VI. – С. 63–80.
10. Троцкий, Л. Перед историческим рубежом. Политические силуэты. Н. И. Пирогов [Электронный ресурс] / Л. Троцкий. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotm155.htm>
11. Франк, С. Л. Религия и наука: жизнь с Богом [Электронный ресурс] / С. Л. Франк. – Брюссель, 1953. – Режим доступа: <http://litbook.net/book/137014/religiya-i-nauka/page-1/>
12. Хирург Николай Пирогов: трудный путь к вере [Электронный ресурс] // Журнал Санкт-Петербургского университета. – 2004. – № 29. – Режим доступа: <http://www.spbumag.nw.ru/2004/29/21.shtml>
13. Чиж, В. В. Пирогов, как тип русского [Текст] / В. В. Чиж // Вопросы философии и психологии. – 1910. – Ноябрь – декабрь. Книга 105 (V). – С. 720–745.
14. Эйнштейн А. Эйнштейн о религии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fictionbook.ru/static/trials/04/24/11/04241155.a4.pdf>

Bibliograficheskiy spisok

1. Bertenson, I. V. O npravstvennom mirovozzrenii N. I. Pirogova [Tekst] / I. V. Bertenson // Russkaja starina. – 1885. – № 1. – S. 247–258.
2. Erohina, T. I. Pogranichnost' bytija lichnosti russkogo simvolista [Tekst] / T. I. Erohina // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2015. – № 5. – S. 208–213.
3. Malis, Ju. G. N. I. Pirogov. Ego zhizn' i nauchno-obshhestvennaja dejatel'nost' [Tekst] / Ju. G. Malis. – SPb. : Tipografija i hromolitografija P. P. Sojkina, 1893. – 96 s.
4. Neizvestnoe pis'mo Jejnshtejna utochnjaet ego vzgljady na religiju: Nauka i tehnika: Lenta.ru [Elektronnyj resurs]. – <https://lenta.ru/news/2008/05/13/belief/>
5. Novikov, M. V., Shvecov, V. V. N. I. Pirogov: vera i znanie [Tekst] / M. V. Novikov, V. V. Shvecov // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2013. – № 4. – T. I. (Gumanitarnye nauki). – S. 322–326.
6. Pirogov, N. I. Voprosy zhizni. Dnevnik starogo vracha. Sochinenie N. I. Pirogova. Tom vtoroj [Tekst] / N. I. Pirogov. – Kiev : Izdanie Pirogovskogo tov-va, 1910. – 681 s.
7. Pljutto, P. A. O dvuh modusah soznaniya [Tekst] / P. A. Pljutto // Jepistimologija & filosofija nauki. – T. XXI. – № 3. – S. 211–217.
8. Pjaskovskij, N. Ja. Pirogov kak psiholog, filosof i bogoslov [Tekst] / N. Ja. Pjaskovskij // Voprosy filosofii i psihologii. – 1893. – Janvar'. – Kniga 1 (160). – S. 1–21.
9. Tlostanova, M. V. Issledovanija pogranichija / vs pogranichnoe (so)znanie, myshlenie, tvorchestvo [Tekst] / M. V. Tlostanova // Voprosy social'noj teorii. – 2012. – T. VI. – S. 63–80.
10. Trockij, L. Pered istoricheskim rubezhom. Politicheskie silujety. N. I. Pirogov [Elektronnyj resurs] / L. Trockij. – Rezhim dostupa: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotm155.htm>
11. Frank, S. L. Religija i nauka: zhizn' s Bogom [Elektronnyj resurs] / S. L. Frank. – Brjussel', 1953. – Rezhim dostupa: <http://litbook.net/book/137014/religiya-i-nauka/page-1/>
12. Hirurg Nikolaj Pirogov: trudnyj put' k vere [Elektronnyj resurs] // Zhurnal Sankt-Peterburgskogo universiteta. – 2004. – № 29. – Rezhim dostupa: <http://www.spbumag.nw.ru/2004/29/21.shtml>
13. Chizh, V. V. Pirogov, kak tip russkogo [Tekst] / V. V. Chizh // Voprosy filosofii i psihologii. – 1910. – Nojabr' – dekabr'. Kniga 105 (V). – S. 720–745.
14. Jejnshtejn A. Jejnshtejn o religii [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://fictionbook.ru/static/trials/04/24/11/04241155.a4.pdf>